

вас люблю

Популярность знаменитых личностей, особенно творческих, складывается в том числе и из шлейфа самых необычных историй, романтических легенд и просто баек, которые остаются после их ухода. В этом смысле феномен **Любови ОРЛОВОЙ** беспрецедентен: ни от одной советской актрисы этот шлейф не протянулся так далеко. С годами уже не различишь, о ком легенды говорят больше: о талантах или о поклонниках. В небылицах время отражается не меньше, чем в былях. Издательство «Алгоритм» приурочило к 100-летию великой актрисы издание книги кинорежиссера **Юрия СААКОВА**. В строгом соответствии с юбилейной датой она называется: «Любовь Орлова: 100 былей – 100 небылиц». Вот некоторые из двухсот.

Сценарий
Иосифа Прута

Пресса, освещавшая суперэкстравагантную, посвященную Л. Орловой выставку питерского авангардиста Владимира Мамышева-Монро, заметила: «Как-то еще никто не обратил внимания на двусмысленное сочетание имени и фамилии советской звезды: «Любовь Орлова». Ведь если правильно расставить акценты, окажется, что секс-символ 30-х имеет некоего воздыхателя – товарища Орлова.

Однако пресса ошибается, и на «двусмысленное сочетание» имени и фамилии «Любовь Орлова» еще за 40 лет до Владимира обратил самое пристальное внимание Иосиф (в просторечии Оня) Прут, драматург и приятель детства актрисы. На один из ее дней рождения он преподнес Л. Орловой в качестве подарка толстущий сценарий «Любовь Орлова».

— В картине о самой себе я сниматься не буду! — испугалась она.

И напрасно: «Любовь Орлова» оказалась... историей любви Григория Орлова, знаменитого, как теперь утверждают, пра-пра-пра-прадядюшки актрисы к матушке Екатерине. Собственно, сценария никакого не было. Одна шутка — название.

Так что пересмешник Оня «расставил акценты» задолго до нынешнего питерского авангардиста и тех, кто о нем пишет.

«Извините»

Говорили, что если звонок Сталина Орловой раздавался, когда актриса почивала, то вождь долго «извинялся», просил актрису не беспокоить и осторожно, будто боясь разбудить ее, на другом конце провода опуская трубку.

И это при том, что маршала Г. Жукова Сталин, по воспоминаниям полководца, требовал будить в любой час дня и ночи. Даже если маршал не спал до этого несколько суток...

Скажут, для дела, тем более стратегической важности, маршала можно и нужно было будить. А даму по пустякам (а звонок Сталина Орловой наверняка, по сравнению с «жуковским», был пустячным) можно было и не беспокоить.

Но кто поверит, что домашние, и прежде всего сам Александров, узнав, что звонит, осмеливались сказать, что Любовь Петровна изволит почивать, а не бежали сломя голову будить актрису. Тоже, возможно, только прикорнувшую после бессонной ночной сменки, которые тогда были сплошь и рядом?

Вместо «пропуска»

Еще говорили, будто во время войны Орлова ехала однажды в прифронтовой полосе в обществе двух высокопоставленных генералов. Им предстояло пересечь какой-то строго охраняемый объект. И дорогу машине преградили усиленный из двух офицеров — патруль.

— Проезда нет!

— Почему? — высунулся один генерал.

— Приказ. До утра.

— Вы не смеете задерживать! — высунулся сопровождавший актрису второй генерал.

— Ничем не можем помочь.

— Мы требуем! — вышли из машины оба генерала.

И вдруг один из караула — дело было вечером — осветил фонариком сидящую в машине женщину.

— Товарищ Орлова! — узнал он актрису. — Так это с вами?

Не успела та кивнуть, как караул, отдав ей честь, тоном «так бы и сказали» разрешил генералам:

— Проезжайте!

Генералы недолгово крикнули и всю остальную дорогу молчали. А когда подъезжали к следующему такому же, видимо, неумолимому посту, сами молча показали на предусмотрительно пересаженную вперед актрису.

Недостаточный стул

Однажды влюбленный в «Волгу-Волгу» вождь пожелал сфотографироваться со всей киногруппой, создавшей такой шедевр.

Строго в назначенный час все были в Кремле и, выстроившись в каре вокруг одного-единственного стула, предназначенного Сталину, ждали его появления.

Сталин вошел, увидел один стул, ни слова не говоря, направился в соседнюю комнату, принес оттуда второй стул и, поставив рядом со «своим», пригласил Орлову сесть рядом. Польщен-

ная такой честью, актриса вышла из общего каре и составила Сталину компанию. Видя такое дело, не удержался и Александров. Он тоже покинул ряды стоящих и, будто имитируя старинную фотографию, улегся, опершись на локоть «у ног владыки» и собственной супруги. Всех, включая Сталина, смелая режиссерская мизансцена развеселила, кремлевский фотограф — не будь разиней! — воспользовался моментом, и фотография получилась на славу.

Только где она, эта «веселая фотография»? То, что она не осталась после Орловой и Александрова, понятно: их огромный архив стараниями, говорят, родных вообще пошел по ветру. Но ведь кроме них на фото наверняка запечатлены И. Дунаевский и В. Лебедев-Кумач, В. Володин и А. Тутышкин, И. Ильинский и М. Миронова. Неужели никто из них не воспользовался — когда это было возможно и поощряемо — случаем и не «прихватил» публикацией такого снимка?..

Мина замедленного
действия

Говорят, опять же, что театр в Сочи Сталин построил чуть ли не персонально для своей тогдашней пассии, певицы В. Давыдовой.

А в 1942 году концерт Л. Орловой в этом театре был, наверное, последним, перед тем как его закрыли, чтобы открыть уже после войны.

И тогда же, после войны, Л. Орловой якобы признался, что ее выступление проходило в целомом — как Большой театр на случай вступления немцев в Москву — минированном сочинском театре. Настолько велика была вероятность, что немцы попользуются в свое удовольствие «Всесоюзной здравницей».

И хотя с того «минированного» концерта прошло два с лишним года, актриса, говорят, была шокирована.

— А мог этот театр по чьей-нибудь неосторожности взорваться раньше положенного? — нашла она в себе силы спросить.

— Только теоретически, — заверили ее. — Практически это было исключено.

Лодки бывают
разными...

Оттуда же, из Сочи, актрису надо было срочно — не дай Бог нагрянут курортники-фрицы! — эвакуировать. Для чего к Орловой был прикомандирован высокий морской чин: адмирал — не адмирал, но что-то около того. И предложил ей — Орловой! — покинуть город... на лодке.

— На лодке? — не поняла актриса. — Ни на какой лодке я не поеду... вернее, не поплыву.

— Но это единственное, что мы можем предоставить сейчас в ваше распоряжение.

— Не знаю, — упорствовала актриса, — лучше погибнуть здесь, чем в шторм плыть на какой-то лодке...

Море за окнами гостиницы действительно штормило.

— Уверю вас, лодка очень даже приличная! — не сдавался «эвакуатор».

— Можно даже сказать, комфортабельная.

— Ха-ха! — нервно рассмеялась «звезда».

— Представляю себе «комфортабельную» лодочку в такой штормиляции.

Пришедший уже не скрывал раздражения:

— Знаете, Любовь Петровна! Я слышал, актрисы капризны, но чтобы так...

— И это вы называете капризом?... Орлова еле сдерживала слезы. — Если беззащитная женщина боится броситься в шторм в лодке.

Тогда уговаривающий подвел ее к окну номера:

— Можете, все-таки посмотрите на лодку?

— И смотреть не желаю!

— Нет уж, будьте добры! Мне же надо выпустить для вас что-то другое.

— Куда прикажете? — нехотя подползла актриса к окну.

— Сюда-с!

Она ищет глазами:

— Где же лодка?

— Вот, — показывает офицер на корабль у пристани. — Канонерская. Надеюсь, устраивает?

Тут «звезде» стало якобы стыдно и она долго просила прощения.

Тут для...
Даргомыжского

Бык как-то концерт Орловой в клубе НКВД в Москве.

— И дирижер огромного духового оркестра, — будто бы рассказывала актриса, — который поначалу шумно меня

ЗВЕЗДА над железным занавесом

Любовь Орлова была обречена покорить весь мир

приветствовал, потом, после каждой спетой мною вещи, одновременно с аплодисментами зала играл один и тот же приветственный туп.

Ну ладно бы после того как романс или песня из фильма спеты. А то пою А. Даргомыжского, а дирижер-чекист, приняв предпоследний текст за последний, взмывает палочкой, и тут звучит раннее время. Я и публика смеемся, оркестр по команде чересчур ретивого дирижера перестает играть, и я допеваю романс Даргомыжского.

Потом, на сьемках «Композитора Глинки», Орлова рассказывала это игравшему того же Даргомыжского Юрию Любимову. Он сам, «служивший» в Ансамбле песни и пляски НКВД, припомнил свои курьезы в этом славном коллективе, и оба смеялись так, что испугали Александру пару дублей.

Когда-то
в Варшаве...

В 1954 году Л. Орлова в составе советской киноделегации — а вся делегация состояла из нее и С. Бондарчука — посетила «братскую» Польшу.

Во время передачи на Варшавском телевидении актрису спросили:

— Пани Орлова, вам нравится польская вокал?

— Нравится, — ответила она.

— А какая? — не отступали поляки.

И она назвала единственную, марку

которой случайно запомнила: «Выборова» (то есть отборная, превосходная).

Поляки — люди с юмором, и качеством водки, приглянувшейся их знаменитой госте, тут же присвоили ей самой.

И звали ее не иначе как «Орлова-Выборова».

А уж когда актриса призналась, что только война помешала ей сыграть в писавшемся для нее сценарии М. Зощенко «Опавшие листья» звезду варьете и одновременно патриотку полячку Марию Божиевскую, приставка «Выборова» к ее фамилии стала уже неотъемлемой.

Вскоре это заменило уже «Здравствуйте!» и «До свидания!». При встрече жали артистке руки и с интонацией «Добрый день!» говорили «Орлова-Выборова!». При прощании — те же «Орлова-Выборова!» с интонацией «Всего хорошего!». В гостинице дают ключ от номера и, в смысле «Пожалуйста!» — «Орлова-Выборова!». Официант в ресторане вместо «Что будем пить?» — «Орлова-Выборова?». Скоро уже и коллеги по делегации С. Бондарчук стал обращаться к ней не иначе как «Орлова-Выборова».

Сам актриса так вошла в эту «выборовскую» роль, что, когда таксист спрашивал ее «Орлова-Выборова?», отвечала — ту-то. А в магазине на вопрос продавщицы «Орлова-Выборова?» — показывала на нужную ей вещь...

На обратном пути очарованный спутницей С. Бондарчук поклялся «Орлова-Выборова», что если когда-ни-

будь он доберется до толстовских «Войны и мира», то роль матери Наташи, графини Ростовых, он поручит только ей.

— Только не очень затягивайте, — пошутила 52-летняя «звезда» и забыла о шедшем авансе будущего режиссера.

Но С. Бондарчук не забыл своего обещания. Спустя 10 лет уже 62-летней «звезде» он предложил ту же «графиню-мать», но в последний момент... снял все-таки другую актрису...

Мистика какая-то...

О том, почему у Орловой с Александровым не было детей, гуляло много самых невероятных слухов. Одно их перечисление знало бы множеством страниц. Вот версия И. Полынской, изложенная в романе «Питающий вода». Судя по ней, актрисе телепатически передалось желание вождя всех народов, возмущенного Орлову своей последней, но уже «астральной» женой.

«Раз уж так получилось, что Надя ушла из жизни, — печалится Сталин, — пусть ее место займет другая, с белыми же зубами, с улыбкой, согревающей весь мир, жаждущей любви. Пусть она делает, что хочет, только не рождает (разрядка моя. — Ю.С.), и улыбаются, впрочем, иногда может поплакать ради того, чтобы потом улыбнуться еще шире, улыбнуться от Карпат до Курил, от Кушки до Баренцева. Пусть только улыбается и просит у него, что хочет!»

Пусть ему сделают ее на кинофабрике, соберут по частям, именно такую женщину — блондинку, потому что бронетки скрывают у себя на груди, как камень, предсмертное письмо, пусть еще в монтажной, насквозь пропахшей карамелью, поскольку ленты склеивают грушевой эссенцией, обратят самое пристальное внимание на череп, чтобы он был абсолютно правильной формы».

И добрый наш Гаспар постарался...

Так что неизвестно, стала бы Любовь Орлова той, которая была (да и Гаспар — Александров с ней), если бы бедная Н. Аллилуева не решилась уйти из жизни 9 ноября 1932 года... После чего прошло только три недели — тут какое-то мистическое совпадение, будто Г. Александров предвидел этот «астральный» заказ вождя! — и началась практическая, с 1 декабря 32-го года (эта дата зафиксирована), работа над сценарием «Веселых ребят»...

С «Матерью» дело
не получается...

Магия вечной молодости «звезды» владела не только зрителями — от нее не могли избавиться и коллеги актрисы. Вот стенограмма Худсовета по «Русскому сувениру» (1959 г.).

М. Папава (драматург): Временами Любовь Петровна выглядит достаточно молодо и даже слишком молодо. Не надо этого, тем более что у нее (героини Орловой. — Ю.С.) уже семь детей.

Г. Рошаль (снявший Орлову больше всех после Александрова): Тут стоит проблема детей и мамы. Вид Любви Петровны совершенно опровергает эту бессмысленную ситуацию. Любовь Петровна так же похожа на мать семерых детей, как она была похожа 20 лет назад (то есть в «Волге-Волге»! — Ю.С.). Я никакой разницы не уловил. Это относится к съемкам оператора и к изумительной выдержке Любви Петровны. Она не вызывает сомнения, что это молодое существо. Колдунья! (Можно представить при этом доверливо на лице обсуждаемого режиссера и мужа! — Ю.С.) Поэтому предлагаю сделать ее «сыновей» братьями. Тогда нет этой мучительной бессмыслицы, когда каждый из семи парней выглядит старше ее (в том числе снявшийся в одном кадре 22-летний сын партнерши Орловой по «Цирку» К. Столяр! — Ю.С.). Это уже относится к категории произведений Хаггарда, у которого Азша может жить тысячу лет.

Предложение о братьях очень хорошее, его следует принять, — благодарит коллег Александров. — Хотя это не совсем ее сыновья: ведь один из них, Сергей, объясняет, что Варвара Капитоновна родила только троих, а остальных детей взяла на воспитание во время войны. Но вы правы: лучше, чтобы были братья, потому что практика показывает, что с «матерью» дело не получается.

«Скучать
начал сразу...»

Нелетки, ох, как нелетки были для Александрова расставания с женой! Каждый раз, проводив ее, он чуть ли не с вокзала шел на почтамт и выводил на бланке телеграммы: «Скучать начал сразу, как вернулся домой».

Когда разлука затягивалась, режиссер формулировал телеграмму иначе: «Люблю, как человек, тоскую, как собака».

Я сам был свидетелем этой беспредельной практически телеграфной связи. Будучи практикантом на фильме «Человек человеку...» и больше месяца разъезжая с Александровым по Сибири, я ежедневно, из каждого населенного пункта, где было хоть какое-то подобие телеграфа, посылал в Москву весточку, где мазетр докладывал жене лишь о том, что благополучно переместился из пункта А в пункт Б. Иногда на день приходилось по два «доклада». Но всегда, когда режиссеру приходилось расставаться с супругой, она мысленно оставалась с ним.

— Где бы я ни слышал «Песню о Родине», — признавался он, — у себя в стране или далеко за ее рубежами, мне всегда казалось, что ее поет Любовь Петровна. Только она, и никто другой!

Одна из таких «ненормальных» исследований актрисы своими стихами: *Люблю тебя зимой и летом, / Но разве я тут виновата? / К тебе звоню — тебя уже нету, / Уже уехала куда-то. / Бывает, что не позвоню, / А свет в окне твоим исвет.*

Весь вечер чертики скребут, / И в сердце драма нарастает. / В своей любви я так прирелась, / С ней не расстанусь никогда. / Вот с телефоном извещаюсь, / Что даже снят провод!

Неизвестная
Марта Эггерт

После фильма «Весна» на Венецианском кинофестивале 1947 года Любовь Орлова разделила с Ингрид Бергман первый приз. Руководитель итальянской киноделегации Дж. Андреотти, очарованный героиней советского фильма, сфотографировался с Орловой под ручку.

Но будущему премьеру Италии не повезло. На другой день тогдашний премьер-министр Италии де Гаспери выступил с откровенно антисоветской речью. И Андреотти испугался, решив, что «соседство» с советской «звездой» навредит его уже тогда занимавшейся карьере. На следующий день фотография появилась в газетках с подписью: «Дж. Андреотти беседует с актрисой Мартой Эггерт».

Тогда карьера Андреотти была спасена. Но, став премьер-министром, он был уличен в связях с мафией и после

четырех лет разбирательства освобожден за недостаточностью улик.

А голливудским
слабо сыграть
советских

До этого додумалась одна из тогдашних зрительниц: «Мне кажется, что, попави эта картина за границу («Цирк» попал и был награжден Золотым призом Всемирной выставки в Париже в 37-м году. — Ю.С.) или оказался он каким-то чудом за океаном, она сыграла бы там еще большую, но не меньшую роль, чем та, которую в свое время приписывали «Хижине Яды Тома» Г. Бичер-Стоу.

Советская артистка Орлова сумела не хуже многих зарубежных создать образ блестящей цирковой дивы-иностранки, а вот интересно, сумеют ли лучшие корифеи западного экрана изобразить советскую женщину так же волнующе и просто».

Гораздо скромнее была на этот счет западная пресса.

«Марлон Диксон, она же Любовь Орлова, не так уж убедительна, как американка, но являет себя симпатичной и впечатляющей представительницей современной русской женщины».

Без товарища
Энгельса

Муки творчества трудны, / А трюм нам хоть бы хны!

Так писала любящая стихи-посвящения Фаина Георгиевна под фотографией Орловой, Раневской и режиссера И. Анисимовой-Вульф во Внуково, в самом начале работы над «многогоспальной», как она потом ее назвала, «Весной». Им трюм, может, и «хны», а вот Александрову было далеко не «хны», когда ему «чистили» в картине чуть ли не каждую фразу.

— Всякая энергия, действующая на Земле, — бесстрастно бубнит еще не успевшая влюбиться «сушенная акула» Никитина, — есть превращенная солнечная теплота, как справедливо заметил Энгельс...

— Может, и «справедливо», — замечают в свою очередь режиссеру, — но давайте все-таки без «товарища Энгельса». Наверняка это «замети!» еще кто-нибудь, и лучше, чтобы из отечественных ученых.

— Но если Орлова скажет: «Как справедливо заметил Менделеев» — это будет смешно, — стоял режиссер на «Энгельсе».

— Вы недооцениваете Орлову, товарищ Александров! — журят режиссера. — У Орловой выйдет смешно, даже если она скажет: «Как справедливо заметил Пупкин».

Но способная все сделать смешным Орлова предпочла отказаться от «справедливо замечившего Энгельса», чем комиковать по поводу «справедливо замечившего» Менделеева и тем более — Пупкина.

«Что даже снятся
провода!»

«Отечественная психиатрия, — свидетельствуют сегодняшние медики, — обогатилась тогда понятием «Синдром Орловой». Многие неожиданно, из-за угла, бросались ей на шею и кричали: «Мама! Я знала, мама!» Другие ненормальные снимали комнаты во Внуково, караулили на лесных дорожках. И она, только чтобы отвязалась, доставала им лекарства, даже помогала деньгами».

Одна из таких «ненормальных» исследований актрисы своими стихами:

Люблю тебя зимой и летом, / Но разве я тут виновата? / К тебе звоню — тебя уже нету, / Уже уехала куда-то. / Бывает, что не позвоню, / А свет в окне твоим исвет.

Весь вечер чертики скребут, / И в сердце драма нарастает. / В своей любви я так прирелась, / С ней не расстанусь никогда. / Вот с телефоном извещаюсь, / Что даже снят провод!

Пиар «Петровича»

В 1996 году будущий — после уехавшего в Москву Б. Немцова — нижегородский губернатор Иван Петрович Склиаров под занавес своей предвыборной кампании прибег к сильнейшему, как ему казалось, пиаровскому средству: на экранах телевизоров появлялся Марлон Диксон из «Цирка» и проникновенно якобы ему, Склиарову, признавался: «Я люблю тебя, Петрови!» Сработала ли тогда реклама или что другое, но губернатором Петрович стал.

Как уж он пять лет руководил губернией, сказать не беремся. Но в прошлом году, при очередных выборах, на посту не удержался и уступил губернаторское кресло коммунисту Г. Ходякову. Хотел, может, повторить спасительное орловское: «Я люблю тебя», да не решился...

Юрий Сааков, режиссер телевидения. Постановщик фильмов «Веселая планета», «Эти разные, разные лица», «И то же в вас очарование». С Григорием Александровым и Любовью Орловой познакомился в 57-м году, работая ассистентом-практикантом на картине «Человек человеку». В 64-м году вместе с Александровым поставил телевизионный музыкальный фильм «Собирайте Венеры».